

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-75-87

УДК 001: 174

РОБЕРТ МЕРТОН И ИБН СИНА: ПЕРЕКЛИЧКА МОРАЛЬНЫХ ИМПЕРАТИВОВ

Васечко Вячеслав Юрьевич,

доктор философских наук, доцент,

ведущий научный сотрудник отдела права

Института философии и права

Уральского отделения Российской академии наук,

620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

ORCID: 0000-0002-1808-4404

vyacheslavpetro@narod.ru

Аннотация

В работе предпринимается попытка расширить аутентичное понимание императивов научного этоса, данное Р.К. Мертоном в 1942 году. В первоначальной трактовке «кодекса Мертона» относился только к европейской науке Нового времени и последующих веков. Как виделось самому Мертону и его последователям, применимость этого кодекса к иным социумам не является релевантной. Однако автор статьи полагает, что исходные четыре максимы Мертона в той или иной мере эффективно работают за пределами указанных пространственно-временных рамок, и в частности в средневековой арабо-мусульманской науке. В качестве текста, в котором обнаруживаются императивы, семантически совпадающие с максимами Мертона, использована философская притча-аллегория Ибн Сины «Послание о птицах», относящаяся к XI веку. Проведенный анализ показывает, что в тексте средневекового ученого прозрачно артикулированы: 1) мертоновский «коммунизм», предполагающий коллективную собственность участников исследования на получаемые в его процессе продукты (новые эмпирические факты, теоретические и методологические новации); 2) «универсализм», исключающий какую бы то ни было дискриминацию субъектов дискурса по внешним, вненаучным критериям; 3) «незаинтересованность» («бескорыстие»), согласно которой ученый строит свою деятельность так, словно у него нет никаких иных интересов, кроме постижения истины; 4) «организованный скептицизм», исключающий презумпцию невиновности в науке, а того, кто выступает с эпистемологической новацией, обязывающий спокойно и терпеливо доказывать свою правоту тем, кто стоит на страже уже существующего корпуса знания. Поскольку автор «Послания о птицах», несмотря на выбранную им для данного произведения художественно-мистическую форму, является одним из крупнейших деятелей

средневековой арабо-мусульманской науки, следует трактовать его притчу, прежде всего, как текст, в котором отражен сам процесс когнитивного поиска в доклассической науке. Более близкое знакомство с характером и содержанием научной деятельности в древних и средневековых традиционных обществах дает веские основания для того, чтобы видеть здесь одну из попыток систематизировать те этические правила, которые уже реально действовали среди ученых на протяжении многих веков.

Ключевые слова: Р.К. Мертон, Ибн Сина, этика науки, нравственные императивы, коммунизм, универсализм, незаинтересованность, организованный скептицизм.

Библиографическое описание для цитирования:

Васечко В.Ю. Роберт Мертон и Ибн Сина: переключка моральных императивов // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 4, ч. 1. – С. 75–87. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-75-87.

К какой бы исторической эпохе мы ни обращались, делая предметом рассмотрения коммуникацию между учеными-профессионалами, мы нигде не встретим официально закрепленный и текстуально прописанный этический кодекс наподобие десяти заповедей Моисея, десяти правил даосизма или пяти священных обетов («панча шила») буддистов-мирян. Тем более нет резона в поисках текста, где бы конкретно перечислялись конкретные правила поведения ученых, применимые к научной коммуникации вообще. Ученые нигде не составляют закрытую касту или обособленное сословие с четко и однозначно регламентированными правами и обязанностями. Тем не менее напрашивается предположение, что специфика их занятий требует выработки особых коммуникативных стандартов, не тождественных общепринятым среди людей одного с ними ранга и статуса, а в отдельных случаях и явно противоречащих тому или иному обычно практикуемому комильфо. Сама неординарность, если не сказать уникальность, эпистемологического поиска как формы человеческой деятельности диктует тем лицам, которые тесно в него вовлечены, исповедание неких общих мировоззренческих принципов и в соответствии с этим следование более или менее схожим нравственным нормам. Каким именно принципам и нормам – это можно попытаться установить, опираясь как на сохранившиеся высказывания самих ученых (там, где они касаются их личностных взаимоотношений со своими коллегами), так и на материалы историко-научных исследований.

Одной из самых известных матриц, через призму которой может рассматриваться внутринаучная межсубъектная коммуникация, является кодекс научного этоса, предложенный ныне уже классиком социологии Робертом Мертоном и получивший впоследствии обозначение в виде аббре-

виатуры CUDOS¹. За восемь десятилетий своей истории после первичного обнаружения в 1942 году в статье «Нормативная структура науки» (перепечатана в [10, р. 267–278]) кодекс Мертона претерпел определенную эволюцию. В него вносились изменения: в 1952 году Б. Барбер, развивая идеи Мертона, преобразовал его в CUDIREN, истолковав OS (организованный скептицизм) как «индивидуализм» (I) и добавив «веру в моральную добродетель рациональности» (R) и «эмоциональную нейтральность» (EN) [9, р. 90–93], а сам его автор пополнил в 1957 году свой список императивами «оригинальности» (Originality) и «скромности», или «смирения» (Humility) (получилось в итоге CUDOS + OH) [10, р. 293–305]. В ответ на малообоснованные упреки в том, что предложенный (а точнее, сформулированный, обнаруженный) им кодекс слишком оторван от жизни, Мертон позднее вводит понятие *социологической амбивалентности*, что в применении к научной деятельности означает для индивида необходимость самостоятельно делать выбор между альтернативными нормами, например, не поддаваться, с одной стороны, интеллектуальной «моде», но при этом одновременно быть восприимчивым и гибким к новым идеям [11]. П. Штомпка, воссоздавая в 1986 году интеллектуальный образ Мертона и не отмежевываясь от четырех императивов CUDOS, тем не менее не считает их первичными, но выводит их из трех более фундаментальных норм – объективности, оригинальности и релевантности [13, р. 49–55], и т. д.

Пережив период почти повсеместного, массово-восторженного принятия, концепция Мертона с 1960–1970-х годов подвергается всё более жесткой критике. Мертоновские императивы объявляются статичными, вневременными и потому неспособными отразить живую, подвижную динамику научной деятельности, особенно XX и XXI столетий. При этом критики как будто не задумываются над тем, что «статичность» и «вневременность» вполне можно интерпретировать иначе – в смысле абсолютности, универсальности, общесторичности – и что подобные претензии с равным основанием и равным успехом можно было бы адресовать также моральным кодексам, насчитывающим не одно тысячелетие, типа библейских, буддийских или конфуцианских.

Попытки конкретно-социологических опросов и интервью с обычными учеными не позволяют однозначно решить вопрос о том, работают ли мертоновские максимы в современной научно-исследовательской практике. С одной стороны, есть данные, отрицающие сколько-нибудь заметную ценность CUDOS для профессиональной работы ученых: многие эмпи-

¹ Напомним, что классическая расшифровка этого сокращения имела в виду 4 императива: C – Communism (что во избежание ненужных ассоциаций переводилось у нас не только как «коммунизм», но и как «коммунализм» и «коллективизм»), U – Universalism («универсализм»), D – Disinterestedness («незаинтересованность», «бескорыстие»), OS – Organized Skepticism («организованный скептицизм»).

рические исследования свидетельствуют, что «ни число публикаций, ни уровень мотивации к занятию исследованиями практически никак не соотносятся с приверженностью классической концепции норм» [3, с. 21]. С другой стороны, имеются и социологические опросы, подтверждающие, что значительная часть контингента ученых рассматривает эти нормы как вполне разумные регулятивные принципы, ограждающие научно-познавательную деятельность от субъектов, преследующих прежде всего неэпистемические личные интересы (хотя, естественно, действенность этих норм в прикладной науке оказывается значительно слабее, чем в науке академической) [12]. Думается, не будет большой натяжкой утверждение, что в данном случае некоторые широко распространившиеся в ученом сообществе и, в общем-то, конъюнктурные явления выдаются иными оппонентами Мертона за норму. С таких узкопрагматических позиций оценка предложенного им этического кодекса в аспекте общеисторической перспективы, преимущества с прошлым и возможных последствий в будущем просто оказывается предметом, не достойным серьезного обсуждения. Однако, по нашему мнению, нормам CUDOS адекватная оценка может быть дана только через обращение к более масштабному социально-историческому контексту, не лимитированному рамками тех реалий, ради концептуализации и объяснения которых он непосредственно создавался.

Общеизвестно, что Мертон первоначально имел предмет своего исследования сравнительно хорошо знакомую ему европейскую науку XVII–XIX веков и выводы свои строил именно на материалах ее изучения². Сам он держался того мнения, что наука может нормально развиваться только в условиях политической демократии – разумеется, западного типа, а при авторитаризме (типа советского или нацистского) обречена на застой и деградацию. Наука более раннего времени – средневековая и тем более древняя – не находилась в поле его зрения, и относительно нее у Мертона трудно узнать что-либо определенное. На этом основании считается вполне правомерным ограничить область компетенции императивов CUDOS только той наукой, которая развилась до уровня *социального института*, а их экстраполяция на «неинституциональные» формы когнитивной деятельности расценивается как отход и от буквы, и от духа концепции его автора³.

² Одной из первых серьезных работ Мертона стала его диссертация «Наука, технология и общество в Англии XVII века», над которой он работал в 1933–1935 годах. Возможно, именно эта тема и побудила его к углубленным размышлениям о науке как социальном институте, занявшим одно из центральных мест в его социологических исследованиях.

³ А.А. Кожанов вскользь замечает, что сделанный Мертоном на примере Англии XVII века вывод о том, что рост и развитие наук возможны только там, где общество в целом начинает высоко ценить этот вид деятельности и тип знания, релевантен только в отношении этой страны и этого времени, поскольку любые попытки обобщить или расширить диапазон применения этого мертоновского тезиса якобы изначально встречали сопротивление историков науки [4, с. 1]. Примеров такого сопротивления, а самое главное, анализа его мотивов, содержания

Действительно, поскольку в концепции Мертона разворачивается представление о науке как социальном институте, его принято считать основоположником «институциональной» социологии науки. А в рамках институциональной парадигмы все исследования научной деятельности зиждутся на представлении, что функционирование науки определяется поддержанием специфической системы ценностей и норм поведения, обеспечивающих своеобразие и стабильное функционирование данного института [6, с. 12]. Думается, однако, что ограничивать применение некоторого инструментария только той областью, ради исследования которой он первоначально был выработан, контрпродуктивно, тем более что само понятие «социальный институт» нельзя считать окончательно устоявшимся и получившим однозначную интерпретацию в научном тезаурусе. Логичнее предположить, что там, где перед нами некоторая группа людей, вполне четко осознающая свою идентичность, специфику своих занятий, интересов и жизненных приоритетов, равно как и их отличие от того, что ценно для большинства окружающих, вопрос о том, считать ли их вместе с системой их взаимоотношений «социальным институтом», не относится к числу первостепенных.

Тот факт, что лично Мертон был искренним противником авторитаризма и полагал, что наука может нормально развиваться лишь в условиях социальной свободы и политической демократии, также не может служить аргументом против поисков императивов классического научного этоса в более ранних социумах. В каждую конкретную эпоху и в каждой конкретной стране отношения ученых с властью и прочими экстернальными институтами складываются достаточно специфично: во главе государства не всегда стоит деспот-самодур на грани безумия типа Цинь Шихуана, позднего У-ди, Аурангзеба, Ксеркса, Птолемея VIII Фискона или халифа аль-Хакима, а иерархи, сановники и бюрократы отнюдь не поголовно душиатели свободной мысли. Появление сравнительно просвещенного правителя, а порой и целой их династии или плеяды может создать для эпистемологических исследований вполне благоприятные условия. А общие задачи, объединяющие «республику ученых», объективно требуют и таких этических стандартов, которые содействовали бы успеху исследовательской работы. Поэтому с высокой степенью вероятности следует ожидать, что дух свободы и демократии, который ощущается в каждом из императивов CUDOS, в той или иной степени присутствует во взаимоотношениях между субъектами научного дискурса везде, где этот дискурс имеет место, в том числе и в режимах, где о политической демократии речи еще не идет. Главное, чтобы самими учеными приветствовалось и поощрялось поведе-

и используемых аргументов, равно как и оценки контраргументов сторонников Мертона, автор, к сожалению, не дает.

ние, идущее на пользу науке, и, соответственно, осуждались действия, искажающие реальное положение вещей и могущие повредить дальнейшим поискам истинного знания.

В литературе подчеркивается, что Мертон, не одно десятилетие занимаюсь, помимо других фундаментальных проблем, и проблемами социологии науки, так и не дал законченного, обобщенного и, так сказать, аутентичного изложения концепции научного этоса: «Автор дал несколько ее формулировок, и они разбросаны по разным публикациям. Вопрос о том, какой же набор этических норм считать итоговым, каноническим по Мертону, не имеет однозначного ответа» [3, с. 6]. Кроме самого Мертона, аналогичные этические кодексы, дополняющие и трансформирующие исходный, предлагались и другими авторами. Но, по нашему мнению, уже первоначальный реестр, включающий четыре императива, достаточно удачен и репрезентативен, чтобы проверить, насколько состоятельны эти нормы в таком, например, далеком от классической демократии обществе, каковым предстает арабо-мусульманское средневековье.

В качестве базового текста мы выбрали сравнительно редко попадающую в поле зрения историков науки притчу-аллеорию Ибн Сины «Послание о птицах». Стоит подчеркнуть, что даже там, где это произведение подвергается серьезному и обстоятельному анализу, как, например, в статье [7], оно обычно оценивается прежде всего как литературно-художественный артефакт. Ю.Е. Федорова, делая вывод о том, что автором «Послания о птицах» двигала «необходимость выразить свой особый экзистенциальный опыт», к сожалению, не учитывает, что здесь перед нами отнюдь не опыт суфийского мистика типа того же Фарид ад-Дин Аттара, для которого онтическая реальность, а с ней и весь физический универсум не есть предмет, достойный внимания, а опыт философа-рационалиста и ученого, на протяжении всей жизни специально и плодотворно занимавшегося в первую очередь изучением именно этого вещного мира посредством познания законов астрономии, математики, механики, медицины и т. д. Ближе к истине, на наш взгляд, критикуемая Ю.Е. Федоровой переводчица и исследовательница творчества Ибн Сины Б.Я. Шидфар, которая толкует символическую и аллегорическую «Птицу» вне суфийских коннотаций, как средство для «более наглядного и доходчивого изложения мировоззренческих проблем», усматривая, например, в восьми не расшифрованных автором горных вершинах, которые птицы преодолевают на своем пути к Богу-Царю-Разуму, не ступени восхождения суфийского тариката, а обозначения наук — от «низшей» к «высшей» [8, с. 143, 145].

Разумеется, мы не находим у Ибн Сины тех дефиниций, которыми пользуется Мертон, так же, впрочем, как не найдем их и в академических работах ученых той поры классической европейской науки, которая была

основным предметом изучения Роберта Кинга. Но вдумчивое и непредвзятое прочтение этого текста с учетом избранной его автором инносказательной и сказочно-символической формы позволит при определенном старании обнаружить здесь те же самые нравственные принципы и правила, о которых писал американский социолог, пусть и выраженные языком того времени и с разной степенью раскрытия.

1. *Communism*. Автор «Птиц», обращаясь к своим сподвижникам и единомышленникам, напоминает, что их взаимоотношения совсем не таковы, как утилитарные связи обычных людей, у которых дружба – это товар, а к другу прибегают лишь тогда, когда к этому побуждает необходимость: «Но вы не таковы, братья, которых соединило божественное сродство душ, которых сроднило соседство с истиной. Они узрели прозорливым оком истину, они отряхнули грязь и пепел сомнения, изгнав его из сердца... О братья истины, вставайте, побуждая друг друга, пусть каждый из вас откроет покров своей тайны для другого, пусть каждый из вас узнает помыслы другого, чтобы вы стали совершенными, одни благодаря другим» [8, с. 126]. Герой аллегории не только мыслит членов «братства истины» как единое целое, но еще и указывает на их качественное отличие от тех, кто чужд высоким материям и от кого до поры до времени следует скрывать то, что уже открыто и исследовано «братьями»: «О братья истины, укройтесь масками, как укрывается иглами дикобраз, явите то, что скрыто, скройте то, что явно. Богом клянусь, явное – это то, что скрыто, а скрытое – то, что явно» [8, с. 126].

Нетрудно заметить, что члены референтной группы, к которой адресуется ибн Сина, весьма напоминают английских интеллектуалов блестящей эпохи Фрэнсиса Бэкона, Роберта Бойля, Кристофера Рена, Роберта Гука и, разумеется, Исаака Ньютона. Как те, так и эти ученые мужи не только предельно открыты друг для друга, не только совершенно свободны в обмене идеями и мнениями, но и достаточно ответственны в плане своих публичных действий и потому не спешат оповещать мир о сделанных ими открытиях. «Коммунизм» как «братство истины» Авиценны, так и немногочисленного кружка бэконистов предполагает, с одной стороны, совместную и равную собственность на продукты интеллектуального труда – в рамках своего тесного содружества, но, с другой стороны, и осознание того, что преждевременное раскрытие секретов перед профанами может иметь губительные последствия как для науки, так и, по большому счету, для социума в целом⁴.

⁴ Укажем в этой связи на один любопытный факт. В XVII веке занятия алхимией еще рассматриваются как вполне уместные в формате эпистемологического дискурса, и им отдают дань многие ведущие ученые, включая Ньютона. Но, подобно алхимикам Средневековья, они стараются не слишком распространяться об этих вещах, поэтому в 1675 году Ньютон пишет письмо Г. Ольденбургу, секретарю Лондонского королевского общества, по поводу некото-

2. *Universalism*. Согласно Мертону, научное знание носит внеличностный характер, а значит, оно не зависит от того, кто персонально высказывает данную истину. Заниматься наукой вправе человек любой национальности, вероисповедания, общественного или имущественного статуса и т. д. «Послание о птицах» также констатирует, что перед лицом Истины бедные и богатые равны, или, точнее, бедность и богатство оцениваются здесь совсем не по общепринятым критериям: «О братья истины, самый богатый человек – это тот, кто осмеливается заглянуть в свой завтрашний день, а самый бедный – тот, кто недостойн того жизненного срока, который ему отмерен» [8, с. 127].

3. *Disinterestedness*. Идеальный ученый Мертона строит свою деятельность так, словно у него нет никаких иных интересов, кроме постижения истины. Поэтому данная максима предостерегает от таких поступков, которые диктуются какими-то субъективными, внешними по отношению к процессу познания мотивами: корыстолюбием, жаждой славы, власти, престижа, потаканием своим страстям, заботой о материальном комфорте. И разве не о том же читаем мы у ибн Сины, прославляющего свободный полет мысли и искренне удивляющегося тем людям, что готовы отдаться чувственным желаниям вплоть до потери человеческого облика? «Не стройте себе гнезда, в которых будете барахтаться, – ведь гнездо – ловушка для птиц. А если вам будет мешать то, что у вас нет крыльев, украдите их и летите – ведь лучшие из тех, кто впереди, – умеющие летать.

...О братья истины, ... удивителен человек, поддающийся своим страстям и, из-за того что предпочел страсть сдержанности, теряющий человеческий облик. Удивительно, что человек повинуется страстям, хотя его сердце освещено светом разума... Недостойн даже именоваться животным тот из рода человеческого, чьей силы не достало на то, чтобы противостоять своим страстям» [8, с. 126, 127]⁵.

4. *Organized Skepticism*. По Мертону, в науке нет презумпции невиновности, и потому тот, кто выступает с эпистемологической новацией, должен терпеливо доказывать свою правоту тем, кто стоит на страже уже существующих

рых намеков Р. Бойля на возможность получения золота из других металлов, где выражает убежденность, что Бойлю следует держать свои методы в секрете, иначе его способ принесет огромный вред [5, с. 69].

⁵ С предлагаемыми здесь адепту Истины образами и рекомендациями неплохо коррелируются слова современника Ибн Сины, Абу Рейхана Бируни: «...Пристрастие ослепляет зоркие глаза, оглушает чуткие уши и призывает измышлять то, чего не согласен признать разум» [1, с. 84]. Люди «признают то, что им подходит, даже если это слабо, и бегут от того, что расходится с их убеждениями, даже если это верно» [1, с. 100]. И обнаружение этой пристрастности, этой предвзятости дает возможность менее ангажированному исследователю разгадать мотивы тех, кто фабрикует заведомо несостоятельные теории: «... Люди пристрастны к тем, кого любят, и хулят тех, кого ненавидят. Нередко чрезмерность в том и другом бывает причиной разоблачения их [истинных] намерений» [1, с. 53].

ющего корпуса знания. Он должен, чтобы быть понятным и принятым, действовать достаточно изоциренно, варьируя свои методы, и быть готовым и к перестраиванию первоначально выбранной системы аргументации, и к честному признанию собственных ошибок. Нижеследующий отрывок из «Послания о птицах», правда, насыщен сложными метафорами, допускающими разное прочтение, но интерпретация его как наставления исследователю, который рискует столкнуться с самыми неожиданными когнитивными парадоксами и перипетиями, вполне уместна – по крайней мере, как одна из возможных: «О братья истины, сбросьте свою кожу, как сбрасывает свою старую кожу змея, пробивайте тайные ходы в земле, как земляные черви, будьте как скорпионы, несущие свое оружие у себя на спине, – ведь сатана искушает человека, нападая на него сзади. Запаситесь ядом – и вы будете жить, возлюбите смерть – и вы оживете и взлетите. ... Будьте как страусы, глотающие раскаленные камни; будьте как удавы, переваривающие твердые кости; будьте как саламандры, погружающиеся в пламя без вреда для себя⁶; будьте как летучие мыши, что не появляются на свет, пока светит солнце, – лучшие из птиц – летучие мыши» [8, с. 126, 127].

Последнее сравнение с летучими мышами, появляющимися лишь в сумерки, может быть истолковано и как совет автору не слишком спешить с вынесением своих выводов на дневной свет, то есть на всеобщее обозрение, во всяком случае, до того момента, пока эти выводы не будут должным образом апробированы, перепроверены и обоснованы. Это же, собственно, утверждает и одна из амбивалентных максим Мертона: ученый «должен избегать неуместной поспешности в публикациях» своих результатов со ссылкой на изречение Фарадея «Работай, завершай, публикуйся» [11, р. 33].

В смысле организованного скептицизма с его осознанием неполноты и небезошибочности системы наличного знания, неизбежности его совершенствования и появления в дальнейшем всё новых, более глубоких и точных теорий следует воспринимать и другое место из притчи ибн Сины, где одни птицы призывают других не обольщаться уже достигнутым, как оно ни привлекательно, и устремляться к новым, более возвышенным и далеким горизонтам: «Поспешим же, нет худшего обмана и ловушки, чем кажущаяся безопасность и беспечность, и нет лучшего спасения, чем осторожность и опасения, нет крепости надежнее и вернее, чем подозрительность и осторожность. Мы уже долго пробыли в этом месте, мы были беспечны, а ведь за нами гонятся враги... Поспешим же, полетим дальше, оста-

⁶ Бируни также дает своим читателям весьма похожие рекомендации: не бояться заниматься «плавкой» и «очисткой» словесной «руды», «делать пробу» словам со всех сторон, а ссылается здесь ученый на собственный богатый когнитивный опыт: «...Ибо я не отказываюсь от принятия истины, в каком бы “руднике” я ее ни нашел» [2, с. 139, 140].

вим этой край, хотя в нем так хорошо, но нет лучшего добра, чем безопасность» [8, с. 141].

Разумеется, если бы «Послание о птицах» стояло особняком на фоне того массива текстов, в которых отразились результаты и, что еще важнее, сам процесс когнитивного поиска в доклассической науке, то высказанные его автором суждения можно было бы расценивать как случайные и нерепрезентативные, либо целиком относящиеся к области не академического, а художественно-мистического дискурса. Однако близкое знакомство с процессом когнитивного поиска в древних и средневековых традиционных обществах дает веские основания для того, чтобы видеть здесь одну из попыток систематизировать те этические правила, которые уже реально действовали среди ученых на протяжении многих веков, обеспечивая нужные ориентиры для постижения устройства универсума и поддерживая оптимальный для этой работы морально-психологический климат в исследовательском содружестве.

Таким образом, признавая, что действительно «...формирование научного этоса является результатом латентной функции научного производства» и «непреднамеренным со стороны научного сообщества результатом производства и поддержания обоснованных истинных убеждений» [4, с. 2], нам приходится заключить, что для ограничения компетенции сформулированных Робертом Мертоном этических максим рамками европейской науки классической эпохи нет достаточных оснований.

Литература

1. *Бируни А.Р.* Избранные произведения. Т. 1. Памятники минувших поколений. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. – 488 с.
2. *Бируни А.Р.* Избранные произведения. Т. 3. Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами [Геодезия]. – Ташкент: Фан, 1966. – 364 с.
3. *Демина Н.В.* Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал. – 2005. – № 4. – С. 5–47.
4. *Кожанов А.А.* Рецепция идей Роберта Мертона в развитии социологии науки (2010). – URL: [https://docplayer.com/storage/58/41319028/1636538268/V_9qbKq4TVdwn\]c7cKJESw/41319028.pdf](https://docplayer.com/storage/58/41319028/1636538268/V_9qbKq4TVdwn]c7cKJESw/41319028.pdf) (дата обращения: 10.11.2021).
5. *Кузнецов Б.Г.* Ньютон. – М.: Мысль, 1982. – 175 с.
6. *Мирская Е. Р.К.* Мертон и этос классической науки // Философия науки. – 2005. – Т. 11, № 1. – С. 11–28.
7. *Федорова Ю.Е.* Ибн Сина и Фарид ад-Дин ‘Аттар: две версии легенды о странствии души-птицы к Богу // Litera. – 2015. – № 3. – С. 62–90.
8. *Шидфар Б.Я.* Ибн Сина. – М.: Наука, 1981. – 184 с.
9. *Barber V.* Science and the Social Order. – Glencoe, Ill.: Free Press, 1952. – 288 p.

10. *Merton R.K.* The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations.— Chicago; London: University of Chicago Press, 1973. — 630 p.
11. *Merton R.K.* The Ambivalence of Scientists // *Merton R.K.* Sociological Ambivalence and Other Essays. — New York: Free Press, 1976. — P. 32–55.
12. *Kim S.Y., Kim Y.* The Ethos of Science and Its Correlates: An Empirical Analysis of Scientists' Endorsement of Mertonian Norms // *Science Technology and Society*. — 2018. — Vol. 23 (2). — P. 1–24.
13. *Sztompka P.* Robert K. Merton, An Intellectual Profile. — London: Macmillan, 1986. — 344 p.

Статья поступила в редакцию 25.05.2021.

Статья прошла рецензирование 01.07.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-75-87

ROBERT MERTON AND IBN SINA: A ROLL CALL OF MORAL IMPERATIVES

Vasechko Vyacheslav,

Dr. of Sc. (Philosophy),

Institute of Philosophy and Law

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

Leading Researcher,

16 S. Kovalenskaya Street, Yekaterinburg, 620137, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1808-4404

vyacheslavpetro@narod.ru

Abstract

The paper attempts to expand the authentic understanding of the imperatives of the scientific ethos given by R.K. Merton in 1942. In the original interpretation, Merton's Code referred only to the European science of the New Age and subsequent centuries. As Merton himself and his followers have seen, the applicability of this code to other societies is not relevant. However, the author of the paper believes that the original four maxims of Merton in one way or another work effectively outside the specified space-time frame and, in particular, work in medieval Arab-Muslim science. The philosophical allegorical parable "The Message of Birds" written by Ibn Sina in the XI century is used as a text in which the imperatives that semantically coincide with Merton's maxims are found. The analysis shows that the text of the medieval scientist is transparently articulated: 1) Mertonian "communism" which assumes the collective ownership of epistemological discourse participants of the products received in its process (new empirical facts, theoretical and methodological innovations); 2) "universalism" that excludes any discrimination of discourse subjects on external, non-scientific criteria; 3) "disinterestedness", according to which the scientist builds his activities as if he had no other interests but to understand the truth; 4) "organized skepticism" according to which there is no presumption of innocence in science, and whoever comes forward with epistemological innovation must calmly and patiently prove his rightness to those who are standing in defence of the existing body of knowledge. Since the author of "The Message of Birds", despite his chosen artistic and mystical form for this work, is one of the largest figures of medieval Arab-Muslim science, his parable should be interpreted, first of all, as a text, which reflects the very process of cognitive search in pre-classical science. A closer familiarity with the nature and content of epistemological discourse in ancient and medieval traditional societies provides a good reason here to see one of the attempts to systematize the ethical rules that have actually been in force among scientists for many centuries.

Keywords: R.K. Merton, Ibn Sina, ethics of science, moral imperatives, communism, universalism, disinterestedness, organized skepticism.

Bibliographic description for citation:

Vasechko V. Robert Merton and Ibn Sina: A Roll Call of Moral Imperatives. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 4, pt. 1, pp. 75–87. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-75-87.

References

1. Biruni A.R. *Izbrannye proizvedeniya*. T. 1. *Pamyatniki minuvshikh pokolenii* [Selected Works. Vol. 1. Monuments of Past Generations]. Tashkent, AN UzSSR Publ., 1957. 488 p. (In Russian).
2. Biruni A.R. *Izbrannye proizvedeniya*. T. 3. *Opreделение гранитов мест для уточнения расстояний между населенными пунктами (Геодезия)* [Selected Works. Vol. 3. Determining the Boundaries of Places to Clarify the Distances Between Settlements (Geodesy)]. Tashkent, Fan Publ., 1966. 364 p. (In Russian).
3. Demina N.V. Kontseptsiya etosa nauki: Merton i drugie v poiskakh sotsial'noi geometrii norm [The Concept of the Ethos of Science: Merton and Others in Search of Social Geometry of Norms]. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, 2005, no. 4, pp. 5–47.
4. Kozhanov A.A. *Retseptsiya idei Roberta Mertona v razvitií sotsiologii nauki* [The reception of Robert Merton's ideas in the Development of Sociology of Science]. 2010. Available at: https://docplayer.com/storage/58/41319028/1636538268/V_9qbKq4TVdwnJc7cKJESw/41319028.pdf (accessed 10.11.2021).
5. Kuznetsov B.G. *N'yuton* [Newton]. Moscow, Mysl' Publ., 1982. 175 p.
6. Mirskaya E. R.K. Merton i etos klassicheskoi nauki [R.K. Merton and the Ethos of Classical Science]. *Filosofiya nauki = Philosophy of Science*, 2005, vol. 11, no. 1, pp. 11–28.
7. Fedorova Yu.E. Ibn Sina i Farid ad-Din 'Attar: dve versii legendy o stranstvii dushi-ptitsy k Bogu [Ibn Sina and Farid al-Din 'Attar: Two Versions of the Legend of the Wandering of the Soul-Bird to God]. *Litera*, 2015, no. 3, pp. 62–90. (In Russian).
8. Shidfar B.Ya. *Ibn Sina* [Ibn Sina]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 184 p. (In Russian).
9. Barber B. *Science and the Social Order*. Glencoe, Ill., Free Press, 1952. 288 p.
10. Merton R.K. *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago, London, University of Chicago Press, 1973. 630 p.
11. Merton R.K. The Ambivalence of Scientists. Merton R.K. *Sociological Ambivalence and Other Essays*. New York, Free Press, 1976, pp. 32–55.
12. Kim S.Y., Kim Y. The Ethos of Science and Its Correlates: An Empirical Analysis of Scientists' Endorsement of Mertonian Norms. *Science Technology and Society*, 2018, vol. 23 (2), pp. 1–24.
13. Sztompka P. *Robert K. Merton, An Intellectual Profile*. London, Macmillan, 1986. 344 p.

The article was received on 25.05.2021.

The article was reviewed on 01.07.2021.